

однѣ неблагопріятныя условія соціальной жизни; иное идетъ отъ наслѣдственности; властуютъ и инстинкты. Уничтоженіе законовъ и всякаго принужденія поставило бы цѣлый рядъ общественно полезныхъ предпріятій въ очень неустойчивое положеніе. Жѣлѣзныя дороги, почта, телеграфъ, водопроводъ, освѣщеніе—требуютъ неустанной, отчетливой и не укоснительной работы. Здѣсь пріостановки быть не можетъ, и всякая единоличная неисправность можетъ отразиться гибельно на цѣломъ. Здѣсь соглашеній поддерживаемыхъ силою одного общественнаго мнѣнія недостаточно. Необходимо и принужденіе.

Если-бы принципы анархизма получили жизненное выраженіе, то послѣдствіемъ былъ бы возвратъ къ первоначальнымъ формамъ феодального быта: болѣе сильный и нецеремонный подчинилъ бы себѣ болѣе робкихъ и слабыхъ. Своеволіе единицъ привело бы къ новой тирани. Культура бы рухнула, а съ упадкомъ техники и науки человѣчество вернулось бы къ первоначальному состоянію дикарей. Пассивное сопротивленіе оказалось бы такимъ-же бесплоднымъ, какъ и его антиподъ—терроръ. Христіанство съ своей проповѣдью морального усовершенствованія ничего не съумѣло сдѣлать за двѣ тысячи лѣтъ существованія. Да и что такое моральное усовершенствованіе? И нѣмецкій „юнкеръ“, и Константина Левинъ, и монахъ затворникъ думаютъ, что имъ вполнѣ ясны принципы морального усовершенствованія, а между тѣмъ они у всѣхъ трехъ—разные.

Плехановъ, резюмируя свои возраженія противъ анархизма, утверждаетъ, что основныя требованія анархистовъ неосуществимы, ихъ идеалъ—утопія, политика вредна въ своей основѣ, а ихъ планы и мечты привели бы именно къ тому, что они сами отрицаютъ.

Съ этой точки зрѣнія положеніе Л. Н. Толстого, какъ создателя евангелическаго анархизма, очень трагично. Религії онъ не создалъ; для этого необходимъ восторгъ вдохновенія и молитвы, необходимы мистицизмъ (*credo quia absurdum est!*) и жертвы. Но у Толстого слишкомъ ясный и трезвый умъ, чуждый поэзіи молитvenныхъ восторговъ. Самъ Толстой не принесъ жертвъ на алтарь своего ученія, не пострадалъ за него. Страданіе освящаетъ всякое религіозное ученіе. Быть можетъ, впрочемъ, Голгоѳой Толстого, по мѣткому замѣчанію Мережковскаго, и является то обстоятельство, что онъ никогда не зналъ Голгоѳы, не терпѣлъ страданій. И Толстой это чувствуетъ, и жаждетъ пострадать за свои убѣжденія. Не разъ онъ и обращался къ правительству съ требованіемъ, что-бы за его убѣжденія карали не его сторонниковъ, а его самого.

У Толстого весь міръ—поклонники, но послѣдователей его взглядовъ почти нѣть. Два три *дружинника*, за три Толстовскихъ кружка (земледѣльческія колоніи), *Богомольцы*—быстро распались—вотъ и все, что дала Толстовскому *Богомольцамъ*. Изъ писателей